

РУССКИЙ КОСМИЗМ КАК ПРИВИВКА ОТ ПОСТГУМАНИЗМА

По поводу книги Дж. Янга «Русские космисты» (Young, George M. *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York: Oxford University Press, 2012)

Л.П. ЧУРИЛОВ¹, И.Л. ЧУРИЛОВ^{1,2}

В развитии культуры наступила эпоха постмодерна. Социологи говорят о кризисе гуманистической модели светского образования и закате гуманистического культурного концепта, характерных для периода модерна, о смене парадигмы в образовании и науке. Образование эры постмодерна, уже восторжествовавшее в высшей школе США и широко входящее в европейскую университетскую среду, ориентируется на индивидуалистические, а не гуманистические ценности, воспитывая, по ёмкому выражению, «*постчеловека*»³, то есть карьерно ориентированного специалиста, служащего не идеалу и не обществу, а себе и своей корпорации, при условии формально-юридической корректности профессионального поведения и обеспеченности «этического алиби». Все чаще звучат призывы определиться с системой ценностей и в отечественном образовании. Ускорять ли движение к образовательной модели постмодерна, или это тот случай, когда лучше не быть первым? Россия поздно вступила и в модерн, еще в начале XX века сохраняя в своем культурном и образовательном пространстве элементы премодерна, когда образование было религиозным и содержало установку служения культурному идеалу. Своеобразная комбинация премодерна и модерна в эпоху Серебряного века – археомодерн – оказалась очень плодотворной для отечественной культуры, предопределила духовный взлет России⁴.

Сейчас мы становимся свидетелями того, как европейские мыслители, ищут новые ориентиры перед лицом апокалиптических перспектив, связанных с кризисом гуманистической системы мышления и национальной идентичности европейцев, с постимпериалистической глобализацией, посягающей уже не только на плоды труда, но и на саму биосоциальную сущность индивида,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.

² Биокосмологическая ассоциация.

³ Дугин А.Г. Постчеловек и постчеловечество / Проблема постчеловека и постчеловечества. Мат-лы научн.-исслед. семинара, вып. 4. М.: Научн. эксперт, 2011. – с. 4 – 17. URL: http://rusrand.ru/doklad/Gum_nauka_vyp_04.pdf (дата доступа: 18.07.2013).

⁴ Тюкин В.П., Чурилов Л.П. Русский космизм и медицина / Наука и техника: вопросы теории и истории. Тез. XXXVII междунар. годичн. конф-и СПб отд-я Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН (28 ноября-2 декабря 2011 г., С. Петербург). – 2011. – т.37. – с. 373–375.

осознавая демографическое поражение коренных европейских наций в сосуществовании с постколониальными мигрантами, ищут и порой находят новые ориентиры в хорошо забытом (или пропущенном мимо сознания из-за евро-обскурантизма) *старом*. Одним из свидетельств этого нам видится обращение такого автора как Джордж М. Янг (ранее из «больших форм» опубликовавшего лишь эссе, посвященное художнику-маринисту Чарльзу Вудбери)¹ к теме русского космизма, отнюдь не популярной в классической западноевропейской культуре.

Нам, русским людям, появление такой книги, конечно же, интересно и приятно. Это, впрочем, не означает, что ее содержание воспринимается русским умом сугубо позитивно. На первой же странице мы сталкиваемся с утверждением, что после крушения СССР русские интеллектуалы, якобы, возвращаются к полузабытым и пренебрегаемым идеям – и среди них космизм. Человек, духовное становление которого прошло в СССР – *стране победившего космизма* – такому утверждению не может не удивиться. Космизм, в частности его естественнонаучная (но также и гуманитарная) ветвь был в буквальном смысле одним из важнейших элементов всей духовной системы советского общества. Идеи космизма – со времен Л.Б. Красина и К.Э. Циолковского – были составной частью концептуальных основ государственной политики и воспитания советского человека, вплоть до знаменитого, известного каждому детсадовцу 60-х годов «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Причем сущностная ценность этого утверждения во всем советском мировоззрении была так велика, что даже принадлежность самой этой цитаты опальному диссиденту В. Войновичу ничего не изменила в массовой советской культуре. Собственно, и Д. Янг это чувствует – и ниже, в конце книги цитирует знаменитое: «Солнечный круг, небо вокруг...», как воплощение советского иммортализма. Страна жила теургией Прометея, масштабными преобразованиями, а главный «теург» – архитектор СССР получил азы гуманитарного образования в одной семинарии с космистами Флоренским и Брехничевым – и примерно в одно время (о чем Янг тоже не умалчивает!). Так какое, помилуйте, забвение? Космизм в кругах советской интеллигенции был популярен. Старший из авторов этой рецензии вспоминает, как в начале 70-х приехал в Ленинград учиться из лапландской глубинки, довольно дремучим юношей, не знавшим толком, кто такие импрессионисты. Однако и К.Э. Циолковский, и А.Л. Чижевский, и В.И. Вернадский, и футуристы-пролеткультовцы были ему вполне известны еще из школы и научно-популярных журналов, выходивших миллионными тиражами. Удивило другое: культовый массовый энтузиазм ленинградской интеллигенции во время выставок, посвященных А.Л.Чижевскому, С.Н. и Н.К. Рерихам, которые проходили в те годы,

¹ Force Through Delicacy: The Life and Art of Charles H. Woodbury (1864-1940) by George M. Young and Ruth R. Woodbury (1998)

воодушевление старших товарищей, познакомивших юношу с впервые изданным именно советским государством массовым тиражом (недостижимым ни в Британии, ни в современной России) сборником работ Н.Ф. Федорова¹, а позднее – блистательные лекции Л.Н. Гумилева на географическом факультете ЛГУ, ставшие предметом паломничества студентов других факультетов и вузов. Ни забвения, ни запретов. Впрочем, такая дань предрассудочным представлениям о советской интеллектуальной жизни не удивительна: Янг ведь в СССР не жил, он об этой жизни только читал, причем часто из-под пера тенденциозных эмигрантов. Между тем, это была *страна философов*. В мировой истории, быть может, лишь конфуцианский Китай в наиболее благополучные годы своего развития отличался таким вниманием к философскому образованию, а уж подобной массовой подготовки всех дипломированных специалистов по основам философии, не было, видимо, нигде. Зарубежный коллега скажет: «это было оболванивание, этот курс был очень селективным». Да, страной правили не философы. Но уж во всяком случае, космисты из этого курса не изгонялись, а скорее были в симбиозе с советским историческим материализмом. А сама идея преобразовать мир и человека и управлять бытием на научно-гуманистической основе, заимствованная из космизма, вообще была центральной в мировоззрении строителя коммунизма, хотя ее авторство и приписывалось коллективному разуму партии.

1. Все ли сказал Д. Янг о корнях русского космизма?

Космизм как духовная концепция мог возникнуть именно в такой стране как Россия: в краю землепроходцев, покорителей необъятных пространств. Чтобы прочувствовать это, достаточно перечитать у Л.Н. Толстого страницы «Войны и мира», описывающие размышления Пьера Безухова, угнанного из Москвы и идущего по Руси вместе с отступающими французами (или хотя бы посмотреть эту сцену в гениальном исполнении глядящего в звездное небо С. Бондарчука в его фильме): «Не пустил меня солдат.... Поймали меня, заперли меня. В плену держат... *меня!* Кого? Меня, меня, меня! Мою бессмертную душу.... . И все это – мое, и все это – во мне! И все это – я!»... .

Русские – природные космисты – в силу необъятности своей державы. И именно из-за этого, из-за того, что в нашей стране очень легко оказаться в точке, где до Бога высоко, а до царя – далеко, индивидуальная свобода и отдельность не кажутся русскому такой сверхценностью, как обитателям запруженного людьми, веками поделенного на лоскутные враждующие государства полуострова на западной окраине России. Это понимал в западной философии еще Ф. Ницше, писавший²: «*Россия – явление обратное жалкой*

¹ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – 709 с.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом. СПб.: "Художественная литература", 1993, с.608–610.

нервности мелких европейских государств». А вот что можно прочесть по этому поводу у Н.К. Рериха в его описаниях путешествий по русской Центральной Азии и Алтаю, где местный мужик говорит ему: «Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождешься»¹.

От трудности и автономии глубинной русской жизни это подмеченное Янгом стремление к действенной, а не созерцательной философии, нежелание поставить свободу выше ответственности. В сибирской тайге как-то не тянет быть мизантропом и трудно стать экзистенциалистом. Общенья, знаете ли, хочется, здорового коллектива. Да и холод не даст долго созерцать свой пупок или предаваться солипсистским сомнениям. Один из корней космизма – землепроходческая психология и здоровый пофигизм обитателей просторной и богатой ресурсами страны, где выживание требовало фактической автономии личности при экономии энтузиазма и большой воле. На страницах книги Янга упоминаются (благодаря цитатам из Бердяева) подобные, приуроченные к эколого-географической аргументации объяснения, но мы, однако, находим там и иное обоснование логики возникновения доктрины космизма именно в нашей стране – и не можем его разделить.

С большинством соображений автора можно согласиться, он подробно и добросовестно воспроизвел все то, что принято писать в западной культурологии о специфике русской цивилизации. К сожалению, при этом он некритически воспринял и заблуждения, тиражируемые массовой культурой. Чего стоит подробное рассуждение о том, что русским будто бы этнически присущ тоталитарный склад ума! Удивительно встретить на страницах серьезной и написанной с симпатией к русской культуре книги столь пустое и легковесное утверждение. Ну что ж, написал, потому что так принято, потому что так другие до него писали... А вот Н.Г. Чернышевский (которого Янг, к его чести, много раз поминает добрым словом, хотя и не видит в нем литературного таланта) давным-давно предупреждал в своём «Очерке научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории»² в разделе «О различиях между народами по национальному характеру» об особой опасности для этнологов выдавать единичное за всеобщее, впадая в этом важном вопросе в субъективизм. Но не внял предупреждениям Чернышевского Янг. И мы у него читаем старую песню о тоталитарных русских с затасканным примером – Иваном Грозным.

Во-первых, русские космисты – этнически дети разных народов. Здесь и знаток русской души (на 25% француз) Бердяев, и полуармянин Флоренский, и

¹ Рерих Н. К. Человек и природа: (Сб.ст.). – 2-е изд. исправ.– М.: Международный Центр Рерихов, 2005. – С.34-40

² Чернышевский Н. Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории (Примечания к "Всеобщей истории Вебера"), Избр. филос. соч. М., 1938.

потомок украинских помещиков Вернадский, и выходец из православных поляков Циолковский, и белорусы Богданов с Купревичем. Но попенять, конечно же, надо (как водится в англо-саксонской традиции) на тоталитаризм титульной нации той империи, поведение которой всегда особенно беспокоило империю Британскую, сформировавшую творческий ум самого Янга. Гораздо оригинальнее подошла к этому вопросу этническая немка русская царица Екатерина Великая, заметившая как-то: «Россия не страна, а Вселенная». А вот близкий к космистам Бердяев дал точное определение: «Национальность – лишь часть личности»¹. Думают, открывают, творят, науку и философию создают не государства, партии, организации или нации, а отдельные человеческие индивиды, личности (В.И. Вернадский)². Между прочим, именно симбиотическая многонациональность русской культуры – предпосылка выработки ею космизма. Да и является ли космизм русской национальной философией? Разве только в том смысле, что Россия породила много гениев-универсалов, которые внесли крупный вклад в эту теорию и вытекающую из нее естественнонаучную, социальную, инженерную и культурную практику. А, по большому счету, первым космистом и глобальным эволюционистом надо числить не кого-нибудь, а Аристотеля с его идеей самоорганизующей силы материи (кстати, был ли тоталитарен его любимый ученик, претворивший вселенскую идею учителя в карту величайшей империи античности? Или он, женатый на согдианке, стал величайшим интернационалистом древности?). Определенно, и «русский» космизм – ветвь неоаристотелианства, часть того древа, плоды которого питали общеевропейскую культуру. На наш взгляд, прав К.С. Хруцкий, заметивший как-то, что русская философия и наука – подстрочные примечания к Аристотелю. Жаль, что Янг начинает с мифов славян и шаманских практик их волхвов, а не раньше – с античной Греции.

И далее, позвольте, кто это по природе тоталитарен? Это русские, у которых первый парламент – новгородское вече – появился раньше всех в Европе – в IX веке – ранее альтинга Исландии (930 г.), который почему-то все еще числится в западных атлантицентрических источниках «старейшим парламентом мира»? Благородные бритты в ту пору не знали ничего подобного. А испанцы и немцы, веками истреблявшие ведьм, а французские любители Варфоломеевских ночных прогулок, а король Эдуард I, под рукоплескания подданных на 365 лет изгнавший под страхом смертной казни с Туманного Альбиона евреев (для которых именно в Англии впервые в мире ввели дискриминационные метки на верхнем платье), или Фердинанд II и Изабелла Испанские, повторившие этот подвиг толерантности на Пиренеях и в Сицилии, а гэнгуэзские итальянцы или португальцы, благосостояние которых веками держалось на торговле, соответственно, славянскими или африканскими

¹ Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995, 375 с. Сост. и послесловие П.В.Алексеева.

² Вернадский В. И. Вопрос о естественных производительных силах в России с XVIII по XX в // Труды по истории науки в России. М.: Наука. – 1988. – С. 333-342.

рабами – они что, менее тоталитарны? «Времена не выбирают, в них живут и умирают», – сказал поэт¹.

Обратимся и к более новым временам – и не забудем, что как раз во времена, когда по-русски «тоталитарно мыслящий» московский библиотекарь Н.Ф. Федоров (Гагарин) создал свою философию общего дела, проникнутую любовью к человечеству, десятки тысяч британцев на основе имперской идеологии расовой гордости и бремени белого человека повелевали туземцами за морями и делали это так и такими методами, что некоторое время спустя не кто иной, как человеконенавистник Адольф Гитлер скажет: *«Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное.... Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели»*². Так кто же тоталитарен по национальному складу ума и кто «вне mainstream'a»? Во всяком случае, примеров, подобных колонизации Австралии и Тасмании путем геноцида, в истории цивилизаторской деятельности русского народа не сыскать. А ведь именно чувство вины, унаследованное от *«счастливой история нации господ, длиной лет в триста-четыреста — как у англичан»* (выражение Генриха Гиммлера), и служит основой сегодняшнего официального культа толерантности в Великобритании и других бывших метрополиях Европы – культа, уже идущего вразрез со здравым смыслом и национальным самосознанием. В России такого культа нет, потому что у русских (вообще-то очень совестливых людей, национальной чертой которых Ф.М. Достоевский назвал чувство справедливости) *нет чувства вины по отношению к народам Российской империи*.

Поразительно, что Автор, приписывая русским тоталитарный склад ума, не отрицает приоритета именно русской мысли в формулировке основ философии свободы – анархизма и несколькими страницами ниже успевает отметить М.А. Бакунина, как выразителя глубинных качеств русского народа. А ведь этот общественный деятель, как и обосновавший естественнонаучным путем этику нестяжательства создатель философии свободы князь П.А.Кропоткин (в книге лишь упоминание о нем, как вероятном двоюродном брате Н.Ф. Федорова, но о его учении, безусловно, родственном философии общего дела, нет ни слова – один из прискорбнейших моментов, непонятно – как можно было забыть философа, обосновавшего коллективистскую мораль естественнонаучным методом, через введенное им в дарвинизм понятие группового отбора?), уж никак не были более тоталитарными, чем апологеты тех империй, которые находились в зените и против которых, за свободу народов они боролись. И их русскость, выходит, этому не мешала, а помогала. Получается некоторая неувязка, напоминающая знаменитые иронические строки из цитированной выше работы Н.Г. Чернышевского об итальянском

¹ А.С. Кушнер, 1976. По тексту книги: Кушнер А. Избранное. (Предисл. И.А.Бродского). СПб, 1997.

² М. Саркисянц. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова – СПб.: Академический проект, 2003. – 400 с.

национальном характере в превратном изображении немецких и испанских историков.

За этим исключением, все остальные духовно-исторические корни космизма в России, в основном, прослежены Автором верно.

Янг уделяет пристальное внимание предшественникам космизма, в том числе Сухово-Кобылину, Каразину, Одоевскому, Радищеву, Державину – и это радует. Впрочем – М.В. Ломоносов, конечно же, фигура не равновеликая тем, с кем в ряд он Янгом поставлен, и его естественнонаучному вкладу должно бы, на наш взгляд, быть уделено много больше места, чем это счел возможным Автор. Конечно, космизм мироощущения Ломоносова проявился в знаменитом (не цитируемом, но упомянутом в книге) «*Открылась бездна /Звезд полна/ Звездам числа нет/ Бездне дна...*». Но разве проиграла бы авторская концепция, если бы, подкрепляя ее, он так же был внимателен к Ломоносову-естествоиспытателю, как к Ломоносову-поэту? Ведь этот мыслитель – признанный основоположник системного подхода в науке, геолог и химик, чьи концепции прямо предшествовали Вернадскому и его школе, а совсем не только «астроном-поэт». А в отношении идей бессмертия и продления жизни, о которых много говорится в книге – странно, что не упомянуто письмо Ломоносова к графу Шувалову¹, которое в геронтологической и гериатрической литературе по праву считается первым научным документом по проблемам демографии в России.

Янг уделяет должное внимание параллелизму между идеями космизма и житием наиболее чтимых русских святых, Серафима Саровского и Сергия Радонежского, а также... индийских йогов. Не подлежит сомнению православная основа философии Федорова. А вот попытки найти прямые аналогии с йоговами и индуистскими праведниками выглядят натянуто. Первый русский попал в Индию много лет спустя после Сергия Радонежского. Сергия, напутствию которого внимали Пересвет и Ослябя, вдохновителя Дмитрия Донского, укреплявшего их боевой дух перед Куликовским сражением, трудно считать «непротивленцем злу», да и у Серафима Саровского нет никаких прямых упоминаний об Индии и индуизме. Между прочим, ниже, описывая разногласия Толстого и Федорова, Янг прямо отмечает, что последнего не удовлетворяли «непротивленчество» и «необуддизм» в толстовстве. Вся философия русского космизма антифаталистична, в отличие от индуистских и буддистских верований. Думается, Янг почерпнул эту мнимо-индийскую струю из текстов пост-советских интеллигентов, поклонников Н.К. Рериха, «отверзших уста» в широкой печати в эпоху перестройки.

В дальнейшем изложении Янг рассматривает идею «царства Божия на Земле» и концепцию «третьего Рима» как предтечи определенных аспектов космизма. В концепции Третьего Рима Автор видит лишь русскую разновидность национал-шовинизма, что непродуктивно, так как не позволяет

¹ Ломоносов М.В. Избранные философские труды. М.: Госполитиздат, 1950. – С. 598–614.

понять корней интернационализма в России, не объясняет, почему восходящая к этой идее политика приносила нерусскому населению России (как Имперской, так и Советской) больше пользы, чем титульной нации. Возьмем взаимоотношения России и Таджикистана, Киргизии, их исторические результаты за 130 лет русского «господства». Баланс окажется очень сильно в пользу малых наций. Вещь, согласитесь, немислимая, например, в британской колониальной политике! Сопоставим, скажем, судьбу Ирландии под британским скипетром в эпоху, когда жили характеризуемые в книге ранние философы-космисты (1840–1850), и судьбу Финляндии под сенью двуглавого орла в тот же период. В первом случае – депопуляция, голод и массовая эмиграция. Страна потеряла только за одну декаду четверть населения, причем предпосылкой была многолетняя политика обезземеливания коренной малой нации титульной, имперской нацией – и голодоморы случались несколько раз. Во втором – и это отражено в Национальном музее Финляндии, в зале, посвященном имперскому периоду, – демографический расцвет, по сравнению с предыдущей грабительской эпохой шведского владычества, экономический и социальный прогресс, прирост населения, открытие университетов, расцвет национальной культуры. Даже первый заповедник национальной природы Финляндии (Пункахарью) создал русский царь Александр I.

Так что, национализм бывает разный, а на различной культурной почве вырастают разные модели поведения больших наций по отношению к малым. И главное в том, что Третий Рим в русской традиции – это обращение не к имперскому Риму, а к гонимым имперским Римом римским христианам, дающим духовный пример русским и всему миру. Создатели концепции имели в виду, что эти первохристиане, затем христиане-ромееи Константинополя, а в современную им эпоху – московские христиане – наиболее ортодоксально, канонично, по-православному трактовали догматы веры и связанные с ними этические установки. Это вообще никак не связано с имперским мировым господством, а только с духовным лидерством в христианстве, которое, как известно, есть религия любви, религия отдающих. Православная церковь даже и не централизована в той мере, как католическая или англиканская. Где же шовинизм, а где основа для русского имперского и советского интернационализма? Бердяев понимал этот вопрос куда глубже, чем интерпретирует его Янг, он говорил: «Отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества».

При этом в завершение этих разделов у Янга противопоставляются свобода и единство (католицизм как единство без свободы, протестантство как свобода без единства и православие – как синтез противоположностей в соборности). Такая трактовка имеет право на существование, но рецензентам кажется (в частности, при внимательном чтении Бердяева) очевидным, что глубже и правильнее было бы, как этот русский философ, противопоставлять не свободу и единство, а свободу и рабство, видя синтез свободы и рабства не в частном понятии соборности, а в биосоциально гораздо более глубоком и

основополагающем для людей понятии – любви. Для русского космиста, во всяком случае, как он видится на основе трудов Бердяева и Соловьева, именно любовь – высшая категория, соединяющая и свободу, и рабство в новую сущность. Для русского мыслителя естественно ставить любовь выше свободы. Анализ этого мог бы многое добавить к тем краскам, которыми Янг стремится нарисовать портрет «русскости» в культуре и философии. Но такого анализа в тексте не проведено. Большое значение имеют этические корни космизма. Эрих Фромм ярко и развернуто сопоставил протестантскую этику и этику нестяжательства, выработанную русской культурой, в частности – П.А. Кропоткиным, ввел представление о двух мироощущениях: «*мефистофелевском*» основанное на идее эгоистического обладания, и «*фаустовском*», предполагающим «прямое альтруистическое бытие, слияние с окружающим» или непосредственное живое взаимодействие с миром, использование своих способностей для творческого служения¹. Д.Янг анализирует роль категории родства в русском языке, указывая на значение самого русского языка для становления русского космизма. Безусловно, интересно и важно, что традиция отчества имеется у русских и викингов Исландии – то есть именно у тех этносов, которые были «первыми демократами Европы», аналогии можно было бы расширить (чего не делает Янг) – и вспомнить о том, какую роль играет посмертное свидание с предками в эпосе викингов. Но разве не ложатся органично на основную «мелодию» книги и рассуждения Фромма об особенностях англо-саксонских языков, где говорят «я имею», «иметь здоровье» – и русского, где говорят «у меня есть», «я здоров»².

Зато Янгом довольно подробно изложена история гностически-герметических учений и алхимии в России. Автору рецензии, вникавшему в тему влияния масонства на русскую медицину и архитектуру^{3,4}, было интересно прочесть детальное изложение такой мало освещаемой темы как эзотерические и алхимические искания в Петровскую эпоху (по Роберту Коллису), но прямой связи с русским космизмом в этом разделе не усматривается.

Далее Янг воздает должное русским масонам-розенкрейцерам Екатерининской эпохи, причем рецензенты находят убедительным и важным подчеркиваемое в книге обстоятельство родства Н.Ф. Федорова и его деда – крупного адепта масонства князя И.А. Гагарина. Жаль, что у Янга повторена

¹ Фромм Э. Иметь или быть/пер. с нем. Э. Телятниковой – М.: АСТ–АСТ МОСКВА, 2008. – 314 с.

² Зайчик А.Ш., Чурилов Л.П. Быть здоровым или иметь здоровье? Сообщение I. Медико-этическая проблема в индустриальном и постиндустриальном мире // Актуальные проблемы транспортной медицины (Одесса), 2013. – №1.(31). – С. 8–15.

³ Шмелев А.А., Чурилов Л.П. Под знаком Розы и Креста. Поиски панацеи в России // Медицина XXI век. – 2009, № 3 (12). – С. 70–83.

⁴ Шмелев А.А., Чурилов Л.П. Поиски панацеи в России: розенкрейцеры и садово-парковое искусство // Русская усадьба. Вып. 16 (32). – М., 2010. С. 308–326.

надуманная советскими историками-антимонархистами преувеличенно-комплиментарная оценка личности и роли Н.И. Новикова. Он выступает у Янга (как и в школьном советском курсе истории) прямо-таки ключевой фигурой – просветителем русского общества, эпохальным утопистом, страдальцем за свободу. На деле, это была фигура мелкая и даже в чем-то трагикомическая, вознесенная судьбой (будучи на часах, опустил подъемный мост при въезде Екатерины, сместившей с престола своего мужа). Зададим себе вопрос: мог ли быть просветителем недоучка, изгнанный за неуспешность из университетской гимназии и более никогда нигде не учившийся? В лучшем случае, самоучка Новиков нахватался модных «вершков», то есть по отношению к интеллектуальным увлечениям русской аристократии той эпохи был вторичен, а мизерные тиражи издаваемых им книг оказывали, очевидно, влияние на весьма ограниченный круг лиц. О его «учености» хорошее представление дают эпизоды, когда этот целитель без диплома чуть ли не насильно пользовал своими алхимическими препаратами собственных крепостных, которым, очевидно, и деваться-то от него было некуда.

При характеристике русской теософии и антропософии, которая следует дальше, Янг вполне соизмеряет роль и значение отдельных фигур с историческим контекстом. Но жаль, что при упоминании Р. Штайнера выпущена связь идей Р. Штайнера и естествоиспытателя-космиста А.А. Богданова, слушавшего в Швейцарии его лекции и, безусловно, почерпнувшего из «философии крови» нечто для своей оригинальной философско-социологической и патофизиологической доктрины «борьбы за жизнеспособность» через обменные гемотрансфузии¹. Это была бы явная демонстрация связи антропософии и русского естественнонаучного космизма. Мы увидим в дальнейшем, что хотя А.А. Богданов у Д.Янга в книге присутствует, но далеко не все аспекты его многогранной деятельности Янгом раскрыты.

Безусловно, лучшая часть книги Янга – страницы, посвященные Н.Ф. Федорову, написанные с любовью к этому мыслителю, глубоким интересом к обстоятельствам его жизни. Можно спорить о том, был ли Федоров в действительности родоначальником оригинальной философской доктрины, в какой степени его истинное влияние на современников адекватно оценено с исторической дистанции – но неоспоримо, что московский эрудит создал «философию общего дела», согласно которой человеческое тело несовершенно, но его эволюция продолжается, причем разум человека играет в ней возрастающую роль движущей силы; и на новом этапе, на основе развития наук возникнет совершенное человечество, способное по информационным следам, оставляемым индивидами, вновь собрать рассеявшиеся атомы их тел,

¹ Тюкин В.П., Фионик О.В., Чурилов Л.П. Универсент Серебряного века: А.А. Богданов – врач, естествоиспытатель и философ. Сообщение I. Богданов-теоретик// Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 11. – 2010. – вып. 1. – с. 236–249.

воскресить предков, достичь бессмертия, преобразовать организм человека, сделав его совершеннее и универсальнее, подчинить силы природы и колонизировать океан и Космос. Оптимистическая философия гениального эрудита, служившего библиографом в Чертковской библиотеке, провозгласила: «Наше тело станет нашим Делом». Библиотека, где он служил, единственная бесплатная в Москве, была местом паломничества студентов и преподавателей московских вузов, а философ, не опубликовавший при жизни ни строчки (он был принципиальным противником идеи авторства), стал властителем дум столичных интеллектуалов и повлиял на ряд современников, в первую очередь – естествоиспытателей, литераторов и врачей. Янг сообщает интересные и важные сведения о жизни Федорова, его первом ученике – революционере Петерсоне, о его дискуссиях с Достоевским и Толстым.

В нашем понимании, Федоров – в первую очередь, не религиозный философ, а философ науки, делавший футурологические прогнозы в терминах и образах той православной культуры, к которой он духовно принадлежал. Огромное значение, в частности – для биомедицины, имеют его футурологические идеи: природное несовершенство организма как основа болезней и смертности людей; возможность научного воссоздания организмов предков потомками, с использованием их рассеявшихся атомов и плана строения, хранимого в потомстве или содержащегося в «лучистых образах» предков – то есть информационных следах личности; идея преобразования организма при воскрешении в более универсальное по отношению к среде обитания существо; переход от «протезной» технологии, развивающей инструменты, к технологии, обращенной на самосовершенствование тела.

Поэтому, очень правильно, что Янг поместил очерк его жизни и деятельности не в раздел «Религиозные космисты», а в виде отдельной, «корневой» главы.

2. Религиозные мыслители в книге Джорджа Янга

Д.М. Янг в своем обзоре трудов и идей русских философских деятелей отнес к адептам религиозного течения космизма таких многоплановых и своеобразных интеллектуалов как Соловьёв, Флоренский и некоторых других.

Надо заметить, что русская религиозность всегда и всецело связана с православием и его основой. Основой же симбиоза православия с русской культурой повседневности, с духовной основой народной жизни служит Священное Предание – Учение Святых Отцов. Русские мыслители XIX века, за редким исключением (например, видный славянофил Хомяков был ярким защитником веры), пренебрегали святоотеческим учением, не читали творения Отцов времен первых веков существования христианской церкви, не придавали определяющего значения и теоретическому наследию русских святых недавнего времени. Митрополит Вениамин (Федченков) в своих мемуарах «Россия между верой и безверием» отмечает поразительное равнодушие русского общества того периода к Церкви, её установлениям и

благодатным таинствам и кризис в среде духовенства: *«Влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть "соленую солью" и поэтому не могли осолить и других. А привычки к прежним принципам послушания, подчинения еще более делали наше духовенство элементом малоактивным. И поэтому, можно сказать, духовенство тоже стояло на пороге пересмотра, испытаний... И, увы, это было нам не нужно!»*.¹ Мыслители, подобные Соловьеву с его эзотерической, сотканной вокруг мистического идола Мудрости-Софии, концепцией всеобщей нравственности и «всеединства» были бесконечно далеки от жизни истинной православной церкви и вообще всяческого понимания христианства в православном духе. Они метались между вульгарным атеизмом и ригористским католицизмом, предпочитая, как Чаадаев, диктат Папы Римского и медитативные практики иезуитов родной вере отцов – русскому православию. Не случайно Федоров резко критиковал Соловьева, который никак не вписывается в роль канонического ученика-продолжателя – и критиковал именно за западничество (*«Если Россия, то есть русская интеллигенция, страдает отсутствием самостоятельности, то Владимир Соловьев должен быть признан полнейшим ее представителем. Его учение должно быть названо Абсолютным мимитизмом, законченным подражанием Западу»*)².

Концепции Соловьева, по непонятной причине рассмотренные Автором в специфическом ключе их привязки к осмыслению христианства самим философом, как некое дополнение к его попыткам агрессивного экуменизма, являют собой попытку воссоединения двух расколовшихся ветвей церкви, однако философствования о мировом объединении и общем благе в духе «толстовства» и возвращения к земле вкупе с нежеланием Автора книги разобраться с морально-нравственной, аксиологической составляющей наследия философа, дают смутное и очень размытое впечатление о действительно долгоиграющих идеях и основном вкладе этого философа в мировую сокровищницу. Вообще говоря, достаточно спорно выглядит попытка причислять к космистам таких людей как Флоренский и Соловьёв, даже несмотря на стройную космологическую модель, присутствующую, например, у Флоренского в его «Столпе и утверждении истины». На наш взгляд, они стояли вне каких-либо возможных классификаций, хотя, несомненно, и были тесно связаны с изучением оккультного и магического, а Соловьёв – даже с введением космизма «в моду», с его гламуризацией.

У Соловьева, крупного этического мыслителя, конечно, наиболее значимым трудом является замечательная работа по аксиологии «Оправдание

¹ Митрополит Вениамин (Федченков) На рубеже двух эпох – М. Правило Веры, 2004 – глава «Две революции».

² Федоров Н.Ф. Абсолютный мимитизм и безусловный окцидентализм Владимира Соловьева // Н.Ф. Федоров. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2, 4. Составление и научная подготовка текста А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Прогресс, 1995.

добра», однако, Автор не нашел возможным отразить её содержание в более развёрнутой форме и подвергнуть эту часть наследия глубокому анализу на предмет наличия там космологических концепций, что, конечно, не умножает достоинств рецензируемого труда. Зато немало страниц были посвящены переписке Соловьева со сторонником воскрешения умерших предков Фёдоровым, что, конечно же, органически сочетается с общей темой русского космизма, поднятой Янгом в своей книге, но все же хотелось бы более подробного и всестороннего анализа именно воззрений философов, а не пересказа биографий и нескольких разрозненных цитат из малой части их творческого наследия. Ведь, если Соловьев и Флоренский названы русскими космистами, то отчего бы не посвятить их наследию большой раздел и растолковать подробно как и где проявился *именно космизм*, а не скажем, оккультные веянья иудаистской Каббалы (Мудрость-София), спиритизма, огламуренной уже в ту эпоху усилиями мадам Блаватской теософии (призывы к объединению духа у Соловьева) и масонских идей; или же религиозного воспитания, влияния святоотеческого наследия вперемешку с языческими практиками анимизма и магизма (защита концепции Софии у Флоренского)?

Да и переписку тот же Соловьев вел не только с Федоровым, а и например, с одним из своих ближайших друзей, патофизиологом-экспериментатором, однокашником И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, Сергеем Михайловичем Лукьяновым¹. Оба они были активными членами философского общества в Императорском Санкт-Петербургском университете. Этой фигуры вовсе нет в истории русского космизма по Янгу, а между тем именно Лукьянов оставил блестящую лучшую биографию Соловьева², более того – сам Лукьянов, близкий к ряду русских ученых, испытавших влияние философии Федорова, вполне может быть яркой фигурой в ряду естествоиспытателей-космистов, тем более значимой, что именно ему принадлежит классическое определение философии, как *моста между верой и наукой*. И даже еще более того: именно этот человек, будучи профессором экспериментальной патологии, «лягушкорезом и крысиным вивисектором», естествоиспытателем европейского масштаба – стал в России... обер-прокурором Святейшего Синода Русской православной церкви. Окончивший лютеранскую Петришуле и преподававший в католической Варшаве православный Лукьянов – интереснейшая для всего замысла книги Янга фигура. Он сменил на этом посту одиозного Победоносцева (который у Янга фигурирует, но, к сожалению, с ошибкой в написании его фамилии – как «Победоносцов») – и, наследуя человеку, который открыто называл Соловьева сумасшедшим, не побоялся

¹ Чурилов Л.П. С.М. Лукьянов – выдающийся патофизиолог и государственный деятель эпохи археомодерна// Бюл. ІХ читань ім. В.В. Підвисоцького, 27-28 травня 2010 року, Одеса : ОДМУ, 2010. – с. 30–34.

² Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биограф. Пг., 1916–21. Кн. 1–3, вып. 1; То же. Репринт., доп. изд. М., 1990. Кн. 1–3, вып. 1–2.

публично называть этого мыслителя гением. Но эту фигуру (безусловно, добавившую бы многогранности авторским трактовкам связи русской религиозной, научной и общественной жизни эпохи археомодерна) Автор книги совершенно проигнорировал, возможно, оттого, что она никогда не описывалась в этом контексте теми, кто *на Западе* писал о космизме до Янга. Но не может же быть, что, создавая свой капитальный труд, Автор основывался только на работах предыдущих толкователей космизма? Вероятно, просто проглядел книгу Лукьянова о Соловьеве. В библиографии мы ее не находим.

Другой герой раздела о религиозных космистах, который с равным основанием мог бы быть описан и в разделе о космистах-естествоиспытателях (и, похоже, намеренно помещен Янгом в самом конце повествования о религиозной ветви космизма, но перед «естественниками») – Павел Флоренский – предложил в своём программном труде «Столп и утверждение истины» оригинальную (впрочем, напоминающую некоторые аспекты философии гностиков Александрийской школы) идею о разделении души на две составные части – злую и благую, причём Бог ради спасения души разделит её на эти две части по смерти человека. Мыслитель пришел к логическому тупику в разрешении дилеммы – возможно ли всеобщее спасение? На наш взгляд, он остановился перед признанием погрешимости и несовершенства организма как основы гуманизма, не осмелился считать злое необходимым для благого. Если ответить да, то как же быть с грешниками, тоже в рай их пустить? Если нет, то как же любовь и прощение Господне, тогда что же: всех в ад отправить? Решение в рамках религиозной доктрины невозможно, оно требует перехода от религиозного к научному мировоззрению. Соловьев, проживи он дольше, возможно эволюционировал бы в естественнонаучную сторону в стиле своего мышления – хотя бы под влиянием таких друзей, как Лукьянов и Ухтомский. Флоренский же, естествоиспытатель и математик, а не только богослов – нравственно, разделением души разрубил этот гордиев узел, хотя современное русское богословие не совсем его в этом поддерживает.¹

В целом, надо сказать, что Автор верно подметил некоторую заинтересованность философско-религиозных кругов России того времени в космологической и мироустроительной проблематике, однако расценивать раздел «Религиозные космисты» как полновесное и всестороннее исследование этой грани проблемы никак не получается, хотя это хороший задел для будущих исследований в сфере восточноевропейской религиозной компаративистики, но никак не в сфере аксиологической философии, поскольку это очень деликатная тема. Да и всецело рассматривать русских религиозных мыслителей под углом космологии, которая, как известно, пришла в европейские исследования из античной Греции (страны, не знавшей в ту

¹ Осипов А.И. Путь разума в поисках истины – М.; Даниловский благовестник, 2008. С.407-409

эпоху монотеистичных, авраамических религий), делая это без учета аристотелевской философии – следует весьма осторожно.

3. Янг о космистах-естествоиспытателях

Знакомство с данным разделом книги заставляет предположить, что история русской гуманитарной мысли известна Д. Янгу лучше и детальнее, чем история русского естествознания, в которой, впрочем, он тоже ориентируется. Выбор фигур для этой части янговской истории русского космизма, в основном, бесспорен – всемирное значение научного вклада Циолковского, Чижевского и Вернадского неопровержимо. Фигура белорусского ботаника и миколога Купревича – выбор более неожиданный, но чем больше нового узнает англоязычный читатель об отечественной науке из книги Янга – тем лучше. Нет среди избранных патофизиолога и административного главы РПЦ С.М. Лукьянова – и мы выше уже сказали о том, как уместно было бы, если бы этот естествоиспытатель и религиозный деятель, прямо связанный с Соловьевым, оказался героем этой книги. Остается только сожалеть, что Автор не рассматривает в ряду естествоиспытателей, близких к космизму И.М. Сеченова и продолжателя его идей кн. А.А. Ухтомского, чьи поиски в физиологии, безусловно, сродни неоаристотелевскому миропониманию, глобальному эволюционизму и важны для всемирной истории системного подхода в науке.

О К.Э. Циолковском Янг пишет много, подробно, хотя, как чувствуется, и без того внутреннего волнения, которое налицо в его жизнеописаниях Федорова, Флоренского и Бердяева. Так, например, его очень взволновала даже такая далекая от философии деталь, как отношение Флоренского к «делу Бейлиса» и его подчеркнуто объективистская этнологическая статья о ритуалах жертвоприношений у древних народов. Янг как бы извиняется за Флоренского и говорит читателю: «Не смотрите, что он дружил с антисемитом Розановым и писал в его сборнике тексты, лишенные семитофильства, он все равно хороший!». Автор взволнован тем, что русские философы-космисты не уделяли практически никакого внимания столь модным ныне в западной культуре вопросам толерантности и защиты меньшинств (что вполне понятно – ведь это не философские вопросы, а упомянутые мыслители – не политики и не публицисты), ему кажется, что это препятствовало и препятствует широкому признанию русских космистов на Западе (что самих религиозных космистов нимало не волновало). А вот в отношении Циолковского нет оснований сожалеть – его наследие и научно-технический приоритет признаны во всем мире. Здесь Янга беспокоит как раз обратное – очевидно позитивная и решающая роль Советской власти в судьбе Циолковского. Он уделяет около 3 страниц этому вопросу, цитирует, как Циолковский, по его выражению «жаловался», что в царской России его идеи не находили государственной поддержки. При этом он не совсем точно указывает, что первые работы Циолковского были опубликованы в 1898 г. – это произошло раньше. Возможно, утверждение Янга ближе к истине применительно к работам по

космонавтике, однако, Циолковский начал свое творчество не с нее, а с биологии. Факт, что первая работа Циолковского по психофизиологии – «О математическом выражении ощущений» относится к 1880 г., а уже третья его статья «Механика подобно изменяемого организма (Биология карликов и великанов)» (1882) получила благожелательный отзыв И.М. Сеченова и стала основой для принятия молодого ученого в Физико-химическое общество. Еще в 1891 г. в «Трудах общества» вышла первая физическая статья Циолковского¹. На наш взгляд, начало раздела о Циолковском несет легкий, но ненужный налёт политизированности. Важнее, чем выяснять вопрос о том, кто больше выиграл: советское государство от Циолковского или Циолковский от советской системы, было бы показать, что инженерно-технологический космизм и стремление найти технологии для прорыва в Пятый океан и межпланетное пространство в России не с Циолковского начались – были Кибальчич и Можайский, Картмазов и Засядко – последний изготовил боевые твердотопливные ракеты в 1817 г., когда и Федоров еще не родился, работали Константинов и Шильдер (еще в 1834 г. успешно испытавший первый подводный ракетноносец), были и другие инженеры, и первая ракетная рота (1827) и первое военное применение ракет в Новое время – в русско-персидской войне 1827 г. и массово – при штурме турецкой Варны (1828). У многих русских был устремлен в небо и к реактивному движению в силу особенностей их культуры и цивилизации, а не потому лишь, что был на свете калужский чудак, поддержанный новыми властями. Передержкой является и утверждение, что работы Циолковского по панпсихизму и гуманитарным аспектам его мировоззрения, близким к гностической философии, не публиковались до распада СССР. Они были опубликованы и доступны интересующемуся читателю, хотя и не популяризовались широко. Так, знаменитые «Грезы о Земле и небе»² 1895 г. вышли в СССР не менее 7 раз (конечно, с редакторскими изменениями – впрочем, и с дополнениями)³. Именно в разделе «Воля Вселенной» из этой книги, написанном в 1928 г. и тогда же вышедшем в свет отдельной брошюрой⁴ содержится, на наш взгляд, кредо русского космизма (пропущенное среди цитат Циолковского у Янга): *«Каждое существо должно жить и думать так, как будто оно всего может*

¹ Циолковский К.Э. Давление жидкости на равномерно движущуюся в ней плоскость/ Тр. об-ва любителей естествознания, физический отдел. М. – 1891. – т. 4.

² Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. М., изд. А. Гончарова, 1895. – 143 с.

³ Максимовская Н.А., Зинченко А.И. Сравнительный анализ публикаций текста научно-фантастического произведения К. Э. Циолковского «Грезы о земле и небе и эффекты всемирного тяготения» (1895-2008). Научные чтения-2013 памяти К.Э. Циолковского. Интернет-ресурс, URL: <http://readings.gmik.ru/lecture/2009-SRAVNITELNIY-ANALIZ-PUBLIKATSIY-TEKSTA-NAUCHNO-FANTASTICHESKOGO-PROIZVEDENIYA-K-E-TSIOLKOVSKOGO-GREZI-O-ZEMLE-I-NEBE-I-EFFEKTI-VSEMIRNOGO-TYAGOTENIYA-1895-2008>

⁴ Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, Изд. автора, 1928. – 23 с.

добиться рано или поздно». Бедный чудаков-провинциал с велосипедом, когда написал это – знал, что впереди будет его триумф, так предсказывала его философия. Эту веру в себя и свою идею передал он Чижевскому и другим космистам XX века. Космизм – философия духовной преемственности поколений, изменяющей мир. Важнейшим является то, что воскрешение предков, которое станет итогом научного прогресса по Федорову, уже происходит в мозгу ученого в ходе самих научных поисков. В.И. Вернадский очень точно улавливал этот аспект космизма еще в 1886 г., в возрасте 23 лет: «Когда работаешь над каким-нибудь научным вопросом, в уме мелькают облики лиц, раньше над этим думавших, чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидная цепь сильно связывает тебя с философом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или одним из великих ученых последних трех столетий – над тем же вопросом они работали, думали, на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью, и все вместе является общей непрерывной работой к неясному, но всем нам понятному идеалу, куда мы все неуклонно, сильно стремимся... точно моя мысль как-то тесно сплетается с мыслью стародавних эпох и людей...».¹ Немного космистом является любой эрудированный, системно мыслящий ученый, использующий исторический подход в единстве с логическим, а не только тот, кто встречал или читал Федорова. Сродни этому и идеи Циолковского о миграции «мыслящих атомов» (а может быть, квантов сознания?) из одного мозга в другой. И в истории русского космизма именно это неоднократно происходило: взять, хотя бы, судьбу Н.С. Гумилева, слушавшего в Санкт-Петербургском университете лекции учеников и друзей Вернадского М.М. Тихвинского и В.С. Таганцева и расстрелянного с ними по одному делу – и формирование в дальнейшем теории этногенеза его сыном Л.Н. Гумилевым (кстати, несмотря на упоминание о русских акмеистах в заключительной главе книги, интереснейшие факты о связи между Н.С. Гумилевым и концепцией биогенной миграции атомов Вернадского остались вне исследования Янга, а ведь у поэта есть в «Поэме начала» даже краткое отражение этой теории во фрагменте «Дракон. Песнь I»: «Этот камень рычал когда-то, этот плющ парил в облаках!»²). И Циолковский, с этой точки зрения, в категориях родства персонально интереснейшая фигура – например, если иметь в виду раннюю смерть его сына Игнатия и обращение ученого к идеям бессмертия.

Именно в этом разделе книги читатель чувствует некоторое разочарование, что труд Д.М. Янга начисто лишен иллюстраций. Ведь имеется множество выразительных фотографий Циолковского, как и других космистов-естественников и философов, имеется прекрасный репинский портрет Вл. С.

¹ Из письма В.И.Вернадского Н.Е.Старицкой /В.И.Вернадский. Письма Н.Е.Вернадской. 1886-1889. М., 1988, с. 58–60.

² Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, Большая серия. Л.: Советский писатель, 1988.

Соловьева, единственный рисунок Н.Ф. Федорова, выполненный Л.О. Пастернаком, о котором Янг интересно пишет. Трудно понять, почему солидное издательство и добросовестный автор обошлись без них – не из экономии же? Янг перечисляет тематику чтений памяти Циолковского и отдает должное широте и высокому научному уровню этих сборников. Но где же анализ естественнонаучного вклада Циолковского с позиций философии космизма? Ведь так много вполне «фёдоровских» параллелей могло бы быть проведено, исходя из текста, например, биомедицинских работ Циолковского. Вот, скажем, работа «Живые существа в космосе», а в ней глубочайшая, ценная для всей общей патологии панэволюционистская (и вполне гностическая по корням) идея: *«даже у людей нет ни одного совершенного, или безукоризненного, органа»*¹. Однако, Автор не включает в рассмотрение того, к чему не лежит его душа – и переходит к рассказу о В.И. Вернадском.

Здесь он подробно говорит о семейных интеллектуальных традициях Вернадских и раннем научном творчестве Владимира, но почему-то упускает важнейшую деталь: учителем Вернадского в Санкт-Петербургском университете был не кто иной, как Д.И. Менделеев. Может быть, Янгу это кажется не важным, так как он не рассматривает этого энциклопедического системного мыслителя в контексте космизма. Но историкам естествознания хорошо известно, что Д.И. Менделеев, как первооткрыватель закономерной связи между атомным строением и свойствами элементов, как плодовитый теоретик экономики, практик организации природопользования, футуролог, предупреждавший пути развития Сибири и Севера и разрабатывавший технологические предпосылки этого, был, конечно же, ярким представителем того теургического, прометеевского подхода к природе и бытию, которое Янг считает признаком космизма. А его работы по научному анализу спиритизма давали Автору возможность увязать эту фигуру и с эзотерикой, пусть и в критическом ключе. Но, увы, Менделеев в книге упоминается лишь раз, устами Циолковского, в одной из цитат, если не считать истории любви Любови Менделеевой и Александра Блока.

Что же касается рассказа о жизни и творчестве Вернадского, то ему, при всей отрадной для русского читателя доброжелательной восторженности, свойственны те же минусы, связанные с ограниченным подбором первоисточников и излишней опорой на предыдущие не русскоязычные публикации, что и повествованию о других космистах. Вернадский у Янга тоже, будто бы, замалчивался советской властью как мыслитель, а признавался только как специалист – что неверно, его философские и общенаучные «Размышления натуралиста» и другие труды в СССР выходили большими тиражами². Непреходящее значение имеют его опубликованные в цитируемом

¹ Циолковский К. Э. Живые существа в Космосе //Путь к звездам. – М.: Изд-во АН СССР. – 1960. – С. 297–310.

² Вернадский В. И. Размышления натуралиста: В 2-х кн. – Наука, 1977.

труде мысли о субъективном ходе биологического времени, дополняющие релятивистскую физическую модель пространственно-временного континуума Германа Минковского и ценные для геронтологии, но не включенные Янгом в рассмотрение.

Более того, мы знаем, что этот мыслитель давал стратегические советы высшему руководству страны – и к этим советам прислушивались. Так, известно, что именно опираясь на его оптимистическую экспертную оценку перспектив скорого создания ядерного оружия, в противовес пессимистическим оценкам других крупнейших отечественных ученых, было принято дорогостоящее и оправдавшее себя решение о форсировании ядерной программы. Вернадский как геохимик и радиохимик осознал созидательное и разрушительное значение энергии ядерного распада ранее всех, еще до I Мировой войны (1910-1913), он убедил магната П.П. Рябушинского выделить огромные деньги на закупку радия и изыскание месторождений радиоактивных элементов в России и начал эту работу при поддержке царского военного министерства, нашел первый русский уран, а триумфально продолжил эти изыскания в Советской России¹. Это важнейшее для понимания роли и места Вернадского в советской науке и технологии обстоятельство (в ряд с ним можно поставить лишь первого радиобиолога Е.С. Лондона, писавшего царю, что в XX веке мощь и величие наций будут зависеть от того, в какой мере нации овладеют технологией радия и добившегося госфинансирования закупок радия) упоминается у Янга лишь в одном предложении: «его работа во многих областях, включая атомную энергию, была ценна для экономического и военного развития». В сравнении с детализацией многих обстоятельств жизни и деятельности героев раздела о религиозных космистах – маловато. Странно и еще одно: Д. Янг, стремясь к многоплановости оценки личности, например, Флоренского, уделяет внимание негативным оценкам западным читателем некоторых его публикаций (см. выше). А вот Вернадский – сложнейшая, противоречивая и эволюционировавшая в своих взглядах на фоне потрясений века фигура – выглядит у Янга образцом хрестоматийной, иконописной цельности и демократической, чуждой национализму, толерантной «надполитичности». Стоило бы Автору внимательно перечитать дневники Вернадского 1917–1934 гг., времен его сотрудничества с украинской Директорией, врангелевским правительством в Крыму, а позже с Советской властью, особенно строки, посвященные некоторым аспектам этнической социальной мобильности в общественной структуре послереволюционной России². Интересно, как бы он их трактовал?

Автор обширно и взвешенно описывает основные идеи учения Вернадского, высказывает мысль о большом всемирно-историческом значении

¹ Сапунов В.Б. Неизвестные страницы биографии В.И.Вернадского/XXI век – молодежь, образование, экология, ноосфера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001, с. 133–134.

² Чигирева В.А. В.И. Вернадский о евреях. По материалам «Дневников» 1917–1941 гг. Интернет-ресурс, URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-484532.html?page=5#13198600>

его наследия, о недооценке вклада этого ученого на Западе. Вместе с тем, на наш взгляд, в деталях тонет и несколько затушеванным оказывается главное, самое «космичное» из впервые установленного именно этим ученым: мысль Вернадского о расширении масштабов биогенной миграции атомов по мере развития антропогенной природоизменяющей деятельности. Впрочем, все бы так о наших гениях писали!

Следующий раздел книги – о А.Л. Чижевском. Большим его достоинством является очень пространный критический анализ теории Чижевского о «земном эхе солнечных бурь» в виде массовой военно-политической и исторической активности людей в определенные фазы солнечного цикла. Янг прослеживает события «после Чижевского», вплоть до нынешнего солнечного цикла и «Арабской весны», разумно указывая, что из-за европоцентризма историков, на труды которых Чижевский опирался и из-за того, что история бесконечно далека от статуса точной науки, у Чижевского не могло быть полных и безоговорочно точных данных для сопоставления. Янг также отмечает, что теория удовлетворительно предсказывает пики активности людей на максимумах солнечной активности, но гораздо слабее коррелируют минимумы этих двух процессов. Вообще, рецензентам давно не доводилось читать такого объективного, взвешенного разбора этих аспектов творчества Чижевского. Вместе с тем, неплохо было бы точнее изложить многие обстоятельства личной жизни ученого. Мы не нашли, например, упоминания о его обучении в Московском коммерческом институте, а это помогает понять мастерство, с которым Чижевский сумел пройти путь от глобальной концепции до широкого массового внедрения ее прикладных следствий, убедить тех, от кого зависела поддержка его проектов. Нет упоминания о письмах Чижевского панспермисту С. Аррениусу, что помогло бы представить космические идеи в их международном контексте – ведь не были же русские космисты «одни на планете» – аристотелевское мировоззрение оплодотворяло и западную научную мысль. Рецензенты не нашли имени Чижевского в официально открытых базах номинаций на Нобелевскую премию по медицине¹ (кстати, там неоднократно фигурирует А.Г. Гурвич с его митогенным излучением – и было бы вполне уместно упомянуть его в книге, так как идея его исследований вполне «космична», а сам он работал с В.И. Вернадским в Таврическом университете и испытал влияние великого космиста). Нобелевская база номинаций по химии закрыта, и мы не можем проверить утверждение Янга, что конгресс *биофизиков* 1939 г. выдвинул кандидатуру Чижевского на премию по *химии*. В любом случае, по статусу премии съезд не является полномочным официальным номинатором. Требуют уточнения и обстоятельства репрессий против Чижевского. Ведь он был брошен в тюрьму и ссылку не за свои философские взгляды, а как «иностранный шпион», причем ключевую роль сыграл донос

¹ Архив номинаций на Нобелевскую премию. Интернет-ресурс, URL: <http://www.nobelprize.org/nomination/archive/>

завистливых коллег-ученых. Кстати, с точки зрения основной идеи книги – показать личности русских космистов и тех, кто развивал их идеи, было бы неплохо вникнуть в личность М.М. Завадовского, выдающегося биолога, близкого к космизму и системному подходу, последователя А.А. Богданова, автора термина «биотехнология» (1932), одним из первых (1931), ранее Р.Хоскинза (1942) сформулировавшего принцип обратной связи в эндокринной регуляции, который ненавидел Чижевского и, по данным некоторых архивистов, имел отношение к доносам на него.

Философски важно показать, что, как и утверждал Вернадский, научный процесс двигают личности. Этот процесс не надо идеализировать. Это не марш согласных во всем колонн учеников к светлой цели под гром дифирамбов учителю. Отдельные яркие личности, двигающие то или иное направление, не обязательно сусально хороши и политкорректно иконописны. Их побуждения могут быть и высокими, и низкими, и смешанными. Они могут ненавидеть друг друга, противоборствовать и даже подличать в пределах одной школы, используя стереотипы времени. Но от логики развития вдохновивших их идей все равно не уйти – и они объективно в противоречиях, работают на одну парадигму. У Янга это в ряде фрагментов книги просматривается – взять, хотя бы, описание бесед Федорова и Толстого. Но в образах ученых-космистов советской эпохи такой многоплановости в книге Янга недостаточно. Так, совсем немного включено материала о художественном творчестве Чижевского, а оно того стоит. Обращение к универсализму «Советского Леонардо» было бы и философски интересно: гений подсознательно уверен в собственном научном бессмертии и долгой жизни: вот почему многие выдающиеся умы не экономят силы и, с точки зрения людей средних способностей, «разбрасываются». Но Янг, описавший широкими мазками «Русского Леонардо» – Флоренского, в очерке о Чижевском более сосредоточен на центральной концепции.

Заключает естественнонаучный раздел книги очерк о Василии Феофиловиче Купревиче (Купрейчике), белорусском ботанике и микологе. Это интересная фигура, вполне уместная на страницах книги Янга. Но поражает, что Янг почему-то считает Купревича «основоположником советской геронтологии». Это очень странно. Ведь у упомянутого автора, безусловно, крупного ботаника, близкого к идеям Вернадского и Докучаева, имеются лишь научно-популярные и философско-публицистические статьи по проблеме продления жизни, к тому же написанные в период расцвета отечественной биogerонтологии – в 60-е годы прошлого века, когда речь не шла о создании *основ*. Речь шла в те годы о судьбе больших средств, которые советское государство собиралось вложить в проблему долголетия, а Купревич, как крупный организатор белорусской науки, принимал участие в информационной стороне этого процесса, он, не называя имени А. Вейсмана и не раздражая лысенковцев, изящно ввел в обиход вейсмановскую мысль о

приспособительном характере смертности высших организмов, генетической основе старения, хоть и не был здесь в первых рядах.

Вместе с тем, почти полностью за пределами книги осталась важнейшая ветвь русского научного космизма, а именно история биogerонтологических исследований в нашей стране, с точки зрения влияния иммортализма Федорова. И эта история не с Купревича началась. Как раз о ней мы недавно опубликовали главу в коллективной монографии¹. Иммортализм в русской науке о продлении жизни дал щедрые плоды, и Янг, решишь он вникнуть в эти аспекты истории русского естествознания, пожал бы богатый урожай для своей книги. Будем надеяться, что такая глава присовокупится к следующим изданиям работы Янга, которой, по мнению рецензентов, на Западе суждена долгая жизнь.

Начнем с того, что сам термин «геронтология» впервые в мире предложен русским ученым И.И. Мечниковым, как и оригинальная теория старения как самоотравления и аутоиммунной агрессии. Кстати, глобальный эволюционист Мечников, с его богатым философским наследием, в котором налицо влияние Аристотеля, размышления о дисгармониях человеческой природы и даже отголоски гностиков – просто «просится» в книгу Янга. Чего стоит в этом контексте одно его великое предвидение 1892 г. о роли физиологического аутоиммунитета как самоорганизующей силы многоклеточных организмов! У Мечникова и упоминавшегося нами выше патолога-космиста Лукьянова был ближайший общий ученик – тот самый Е.С. Лондон (номинант на Нобелевскую премию по медицине), который вместе с В.И. Вернадским убеждал правительство России вложить средства в «технологии радия» (см. выше) и создал первый (и доныне применяемый) научный метод, позволяющий проследить биогенную миграцию атомов в организме – автордиографию. Но Мечникова и Лондона в книге нет... А ведь признаки федоровского влияния ощутимы не только у них, но явственно читаются между строк и в последних дневниковых записях Н.И. Пирогова, мысль которого в «Дневнике старого врача»² оборвалась именно на утверждении о том, что жизнь для него – это коллективная концепция, разумная, безгранично действующая сила, организующая вещество, на записи о жажде бессмертия, к которому он, Пирогов, теперь стремится не только по нравственным причинам. Почему великий анатом и хирург дал идущее вразрез с канонами православия указание забальзамировать свое тело (и эту волю выполнил его талантливый ученик Д.И. Выводцев) – не о научном ли воскрешении в грядущем задумался в последние дни Пирогов, который жил в Москве, когда в зените популярности

¹ Churilov L.P., Stroev Y.I. The Life as a Struggle for Immortality: History of Russian Gerontology with an Immunoendocrine Bias/ Annales of Traditional Chinese Medicine (Hong Kong a.e.: World Scientific Publ.) Ed. T.C. Leung, 2013. – V. 6 “Health, Well-being, Competence and Aging”, Chapter 6. – Pp. 81 – 137.

² Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / [Сост. А. Д. Тюриков]. – Иваново, 2008. – 427 с.

находился Федоров, и вполне мог знакомиться с его учением? Во всяком случае, не только нами, но и некоторыми другими авторами Пирогов по праву считается провозвестником космического мышления¹. Что касается советской геронтологии, основателем ее экспериментальной ветви надо по праву считать А.А. Богданова². Богданов присутствует в книге Янга, но, к сожалению, лишь другими гранями своего таланта. А ведь Богданов – это, поистине, «наше Тело как наше Дело» на практике. Янг упоминает его в ряду “Soviet officials”, склонных к космизму и богоискательству. Но это неточно: после 1917 г. Богданов, принципиально разошедшийся с Лениным в оценке военного коммунизма и в трактовке вопроса о своевременности и сроках социалистических преобразований в стране, в отличие от другого «богоискателя» – своего тестя А.В. Луначарского – вышел из партийного руководства и никогда при Советской власти никаких государственных и партийных постов не занимал, следовательно, он менее всего «official». Это создатель первой общей теории систем (о чем есть упоминание у Янга – но желательно было бы правдиво зафиксировать приоритет этого ученого по отношению к Л. фон Берталанфи) и, кроме того, блестящий практик экспериментальной медицины, в 1917–1928 гг. он сосредоточился на научной работе и создал первый в мире – и очень продуктивный Институт переливания крови. Пост директора медицинского НИИ и был его *единственной* начальственной должностью до самого дня жертвенной смерти на алтаре науки. Богданов у Янга описан в главе, посвященной космизму в культуре и искусстве («О теургии Прометея»), более всего как писатель-фантаст и технологический утопист. Его работа в экспериментальной медицине упомянута вскользь, кратко. Разумеется, Богданов – это футуролог уровня Жюль Верна. Он верно предсказал доминирование английского языка в современном мире, приход однополого стиля в одежду, обменное переливание крови, массовое донорство, создание банков крови, передачу с нею и ее компонентами эпигенетического опыта организма, омоложение и оздоровление путем гемотрансфузий, искусственный синтез белка, пересадку органов человека, эвтаназию и общественную истерию вокруг нее, появление компьютеров и автоматизированных систем управления, хранение информации на носителях малого объема, ядерную энергетику и даже сексуальную революцию.

Но прогнозы – это лишь результат определенного системного подхода, большой научной работы, не обсуждаемой Янгом, хотя о Богданове много написано по-английски и само его главное наследие переведено на европейские языки. Между тем, эта фигура, будь она рассмотрена подробно и под естественнонаучным углом зрения, могла бы открыть Янгу много параллелей и

¹ Шапошникова Л.В. «Дневник старого врача»/ Держава Рерихов: Сб.ст. В 2 т. – Т. 1. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2006. – С. 551–563.

² Тюкин В.П., Фионик О.В., Чурилов Л.П. Универсент Серебряного века: А.А. Богданов – врач, естествоиспытатель и философ. Сообщение II. Богданов-практик: судьба его идей// Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 11. – 2010. – вып. 2. – с. 249-263.

узловых моментов, ибо роль Богданова в космизме очень иллюстративна. Он окончил один университет с И.И. Мечниковым, встречался, дискутировал и имел общих учеников – ракетчиков Ф.А. Цандера и М.Г. Лейтейзена – с К.Э. Циолковским. Причем известно, что Богданов предполагал реализацию идеи дальних космических путешествий с помощью аппарата на ядерной тяге, то есть первым предложил использование энергии ядерного распада для космических полетов. Он дружил и сотрудничал с Л.Б. Красиным, о иммортализме и космизме которого пишет Янг в связи с проектом сохранения тела Ленина. Наконец, его институт объединил лучшие умы медиков-экспериментаторов и клиницистов: М.П. Кончаловского, Х.Х. Владоса, С.И. Спасокукоцкого и, что особенно важно для рассматриваемой темы – ученика Мечникова Александра Александровича Богомольца. Именно Богомольц развил мечниковские и богдановские идеи и показал экспериментально возможность манипулировать клеточными программами с помощью продуктов иммунной системы, что вылилось в оригинальную теорию старения и продления жизни. На эту тему у Богомольца еще в 30-х годах вышли монографии, он провел первый в мире геронтологический съезд и создал первый в СССР и в мире Институт геронтологии в Киеве. Аналогичные усилия Купревича в Минске были лишь последующим развитием «линии Богомольца». Более того, на Украине Богомольц тесно идейно и организационно взаимодействовал с В.И. Вернадским – практически, до конца жизни великого космиста-эколога. Вот каково кадровое наследие Богданова, который не только на практике, но и в теории был основоположником научного менеджмента. Кстати, именно в институте, основанном Богдановым, хранился ленинский мозг.

Нам кажется, что Богданов, полагавший, в отличие от Ленина, что империализм – не последняя стадия развития капиталистического общества, и что пролетариат должен вместе с этим обществом видоизмениться, обогатиться научными знаниями, прежде чем взять власть и перейти к социализму, из социальных космистов сегодня актуальнее и «живее всех». Это он предложил термин «техническая интеллигенция» – и именно в ней видел социально преобразующую силу будущего. В современную постимпериалистическую эпоху, после работ М. Хардта и А. Негри¹ стало общим местом, что постимпериализм – новая стадия в развитии товарного общества, когда уже не пролетариат, а тот слой, который мы назвали бы «креатариадом», наследующий богдановской «технической интеллигенции», служит основным революционным двигателем истории, причем уже не только в социальных сетях, но и на площадях. Но не это ли предвидел Богданов?

Д. Янг неоднократно (применительно к радиохимическим достижениям Вернадского, космонавтике Циолковского и аэроионизации Чижевского) ярко

¹ Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

показывает, что советское государство эффективно заимствовало от космистов технологическую инновационную сторону их деятельности, сдерживая их поиски в гуманитарно-идейной области. Богданов в этом отношении – столь же яркий пример. Поощряемая государством деятельность Богданова как экспериментального космиста привела к созданию в СССР с нуля самой эффективной и продвинутой в мире гемотрансфузиологии, что в военно-полевой медицине II мировой войны сыграло огромную роль. В то же время, еще Ленина Богданов раздражал как неомарксистский теоретик, а после революции его даже арестовывали, так как меньшевистские политические группы пользовались его теорией, так что социологические теории Богданова замалчивались советским государством.

Автор отдельной главой характеризует космизм в русском искусстве и культуре (почему-то включив в этот раздел изрядную порцию теософии Блаватской – видимо, даже для стремящегося к объективности Янга русская мысль это, во многом, русская эмигрантская мысль, и из-за аберрации расстояния те, кто ближе, кажутся значимее и выше, даже при карликовости их истинного роста). Так, есть Блаватская, но нет такой выдающейся основополагающей фигуры как Н.Я. Данилевский, идеи которого о развитии цивилизаций и культур в полной мере космичны и глубоко оригинальны. Затем следует описание пропагандистов и интерпретаторов учения Федорова в XX веке. Для рецензентов это был очень интересный раздел. Один из нас – по специальности патолог, другой – китаист, поэтому авторы рецензии осознают пределы своей компетентности и не могут претендовать на глубокое знание истории отечественной гуманитарной мысли. Мы много нового почерпнули для себя из этого раздела. Особенно интересны, ввиду харбинского происхождения нашей семьи, были нам сведения о харбинце-космисте Н.А. Сетницком, любопытна также характеристика Б.Л. Пастернака как космического писателя, которую мы вполне разделяем, ведь: «...продуман распорядок действий и неотвратим конец пути» и «Никто не видит как растет трава – никто не знает, как делается история»¹. Содержательна и глава о современных российских космистах, особенно удовлетворены рецензенты присутствием в ряду описываемых Янгом ученых Н.А. Козырева, В.П. Казначеева и Л.Н. Гумилева. Так как с последним одному из нас доводилось встречаться, нельзя не сказать несколько позитивно-критических слов о его «портрете» в книге Янга. Биографические сведения о Гумилеве-младшем, в книге Янга, пожалуй что, несколько неполны. Не совсем верно, что после освобождения он работал лишь в Эрмитаже – кроме того, в течение многих лет этот ученый был профессором Ленинградского университета, в прошлом – обители ряда космистов, например, Соловьева. Было бы хорошо прочесть и о военном опыте Л.Н. Гумилева в Польше и Германии в ходе II мировой войны – во всяком случае, из его описаний можно заключить, что этот опыт повлиял на

¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Сов. писатель, 1989. – 736 с.

формирование его теории. Для рецензента, разделяющего многие положения теории этногенеза по Л.Н. Гумилеву, в частности, касающиеся конституциональных биопсихических классификаций индивидов, вытекающей из ее основ, довольно странно, что раздел о Гумилеве вдруг резко переходит в обсуждение мыслей А.А. Проханова и в соображения западных комментаторов этого отечественного писателя и публициста о глубинном родстве между сталинизмом и федоровизмом. Мы уже писали выше об СССР как стране победившего теургического космизма, поэтому большой новизны в соображениях цитируемого Янгом Эдмунда Гриффитса не видим. Нам кажется, что гораздо интереснее было бы попытаться осмыслить нынешний кризис, в первую очередь – те его процессы, которые затрагивают Евросоюз, с позиций теории Л.Н. Гумилева. Во многом общественные события в Европе, например, демографические и культурные проблемы, связанные с мигрантами, подтверждают тезис о решающей роли соотношения пассионарности в судьбе и борьбе этносов. Будущее Европы заставит еще не раз вспомнить о таких теоретиках как А.А. Богданов и Л.Н. Гумилев. Будущее, может быть, позволит Э. Гриффиту и всем авторам, несущим бремя совето- и русофобии, не только Сталина, но и Карла Маркса зачислить в теургические космисты. Ведь, как известно: *«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»*¹. И это написано практически в те же годы, что и знаменитое, генетически родственное формулировке Маркса предвидение Н.Ф. Федорова, что: *«вместо пассивного умозрительного объяснения сущего философия должна стать активным проектом долженствующего быть, проектом всеобщего дела»*. Стоит только эти фразы сопоставить, чтобы почувствовать родство духа учений, трактующих о глобальном переустройстве общества и природы творческой силой человечества, достигшего понимания смысла истории. Кстати, и ранее нас это родство отмечал югославский философ Михайло Михайлов², труды которого не попали в поле зрения Д.М. Янга. Читателю в любой европейской стране остается, ознакомившись с книгой Янга (и сводкой новостей) задуматься о том, что если перед лицом кризиса Европы в эпоху постгуманизма интеллектуалы будут продолжать комбинировать либеральные идеи, чураясь марксизма и не видя тех ценностей, на которые указывает духовный путь, пройденный космизмом – то в ответ на кризис придет фашизм.

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, М.: Госполитиздат, 1955. – с. 4.

² Михайлов М. Философия космизма и русская культура//Новый берег. – 2006. – №12. Интернет-ресурс, URL: <http://magazines.russ.ru/berreg/2006/12/mm24-pr.html> (дата доступа: 13.09.2013)

Заключение

Д.М. Янг своей книгой сделал важное и нужное Европе дело. Он содействовал включению наследия русских космистов в общемировую сокровищницу. Он, как мог, преодолевал родимые пятна европоцентризма, русо/советофобии, раздвигал ошметки железного занавеса. Если бы первоисточники были изучены предельно широко и полно, а вторичная литература, написанная на Западе, учитывалась бы с поправками на эти родимые пятна, если бы состоялась генетическая привязка русских космистов к философии Аристотеля – то книга была бы идеальной. Но она хороша в своей реальности. Лучше на эту тему из читанных нами иностранцев (русского югослава Михайлова таковым не считаем) никто не написал.